

УДК 808.1

СИСТЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНТРАСТА В ПОЭЗИИ КАЙСЫНА КУЛИЕВА

Р. А. Керимова

Кабардино-Балкарский научный центр РАН

Предметом данного исследования является рассмотрение стилистических особенностей приема контраста в поэзии Кайсына Кулиева. Целью статьи является определение функций контраста и выявление оригинальности стилистической реализации этого приема в системе художественного и мировоззренческого видения поэта.

The research considers stylistic features of reception of contrast in Kaysun Kuliev's poetry. The purpose of article is definition of functions of contrast and revealing of originality of style realization of this reception in system of art and world outlook vision of the poet.

Ключевые слова: система контраста; Кайсын Кулиев; поэзия; художественные фигуры; поэтические образы.

Keywords: system of contrast; Kaysun Kuliev; poetry; art figures; poetic images.

В современном литературоведении отмечается большой интерес к различным экспрессивно-эмоциональным языковым средствам. Но, к сожалению, на сегодняшний день существует небольшой пробел в рассмотрении особенностей и динамики развития образно-эстетической системы творчества многих известных национальных авторов – Д. Кугультинова, Р. Гамзатова, А. Кешокова и др.

Данное исследование представляет собой реализацию одного из возможных аспектов в рассмотрении уникального авторского почерка на примере анализа художественного контраста в поэзии Кайсына Кулиева.

Творчество классика балкарской литературы Кайсына Кулиева (1917–1985) занимает достойное место в отечественной и мировой художественной культуре, и тайна постижения глубин его мастерства неизменно привлекает внимание исследователей. Поэтический мир К. Кулиева сложен и многообразен. Это объясняется не только тем, что его творческий путь был насыщен великими историческими событиями, нашедшими отражение в его поэзии, но и богатством внутреннего, духовного потенциала. Восприняв и творчески переосмыслив многие достижения русской классической и мировой литературы, К. Кулиев смог остаться глубоко оригинальным поэтом. Его поэзия органично сочетает в себе разнообразные эмоциональные, идейные и стилистические пласты.

Одним из проявлений разносторонности поэзии К. Кулиева является свойственное ему контрастное восприятие мира. Именно контрастное видение мира является для поэта источником диалектического и противоречивого изображения реальности в произведениях. Поэзия К. Кулиева гармонично соединила в себе национальную картину мира с миром понятий, актуальных для общероссийского культурного и литературного пространства. Национальная, русская в совокупности с элементами восточной традиции повлияли на становление творчества К. Кулиева и обусловили специфику индивидуального стиля балкарского поэта.

При рассмотрении данной тематики из множества разнообразных сочетаний можно выделить символы, построенные на контрастирующих признаках. В поэзии К. Кулиева распространены цветовые и абстрактные сопоставления: // **Черный** лес и **белый** сад... // **Утро** **ночи** мудреней. / **Утро**, будь и ты добрей... // **Черных** придержи коней, / **белые** пусть скачут кони! .. // **День** и **ночь** и пусть хранят / От беды углы и крыши /. Сопоставления черного и белого, дня и ночи, жизни и смерти, заката и рассвета, добра и зла присущи поэтическому языку К. Кулиева.

Но есть и символические сопоставления, которые могут повторяться в стихотворном тексте несколько раз, например, такие, как в стихотворении «Ночь. Спокойно дети спят...», повторы сочетаний **черные и белые кони**, которые символизируют как *беду, радость*, так и *годы*, которые проносятся словно кони. Таким образом, контрастирующие признаки не только ложатся в основу отдельных символических образов, но и создают символику целого стихотворения.

Сближение контрастных признаков, характерное для поэтики К. Кулиева, происходит и в отдельных сочетаниях (*Ты радуешься солнцу и луне*), и в пространстве текста, где соплагаются ряды слов с контрастным эмоциональным содержанием. Так, в стихотворении «Говорю дереву в мае» рядом *днем, наяву, жаркий день, свет* и др. противостоят ряды повторяющихся слов: *ночь, в полусне, темень, тень*.

В лирике К. Кулиева часто встречается противопоставление *светлого и темного, черного и белого*. Ясно, что для автора это не одно и то же, так как **черный** цвет для поэта символизирует *горе, смерть*; **белый**, наоборот, – *радость, перемены к лучшему*. Причем **темный** иногда используется автором для уточнения времени суток или же просто обозначает цветовой признак; что же касается **черного**, то он в основном применяется поэтом для переносного или символического обозначения горестных событий. «Стихотворение, написанное в больнице» построено на контрасте этих цветовых признаков: // *Что было домом – стало пеплом серым, Чернейшим* снегом стал **белейший** снег //. Слово **черный** в данном случае применяется для передачи боли и страданий человека.

Черный цвет часто противопоставляется поэтом **белому** – цвету радости. Причем использование черных красок не носит рокового значения, так как поэзия К. Кулиева оптимистична и светла, горестные события, в его понимании, всегда сменяются радостными.

В стихотворении «Здравствуй, утро!» показательны последние строки: // **И счастья больше, и несчастья / Не впереди, а позади** //. «Переходы» от грустного и печального к светлому и доброму свидетельствуют о том, что данная особенность стилистической системы существовала у К. Кулиева на протяжении всего его творчества (сборник «Здравствуй, утро!» относится к раннему творчеству). Поэт считал, что правда жизни состоит в смене добра и зла, боли и радости, счастья и горя. Он вдумчиво выбирает такие средства, которые позволяют ему при максимальной компактности поэтической речи достичь глубины и полноты в изображении того или иного явления.

Поэзия К. Кулиева состоит из художественных средств самых различных экспрессивно-эмоциональных оттенков, она богата и многоцветна. Словесная палитра К. Кулиева позволяет ему в одном стихотворении при необычайной простоте речевых средств использовать причудливое сочетание самых различных оттенков. Использование цветовых характеристик в описании внешности лирического героя довольно интересно в том плане, что сходство цветового признака усиливает зрительное ощущение, восприятие образа. Так, в стихотворении «Лейле» поэт сравнивает волосы девушки с **темным ливнем**, прилагательное **темный** употребляется для уточнения цвета волос девушки. Стилистический контраст в данном стихотворении заключается в смене **темного ливня** и **дождя весны**.

Как **темный ливень** волосы твои!
 Ко мне пришла ты, словно **дождь весны**..
 Гроза отхлынула. **Блестят** ручьи.
 Мы в сад пойдём. Там яблоки сочны! [1, с. 21].

Применение приема контраста можно наблюдать также в сравнениях, где поэт описывает облик девушки, делая акцент на национальную принадлежность:

Запах сосен в твоей пряди волос,
 Вкус смородины на губах твоих.
 Ты не похожа на девушек гор,

Но как песня гор, ты мне родна.

В твоих синих глазах я вижу
задумчивость северных вечеров.
Мы с тобой не похожи, как и наши реки,
но я люблю тебя, как песни моих гор!

(Подстрочный

перевод К. Кулиева)

В стихотворении «Девушке с севера» поэт при описании внешности девушки подчеркивает ее славянское происхождение: **не схожа ты с красавицами гор**, что является метафорическим сравнением. При описании глаз поэт указывает на их светлый цвет, подразумевая голубые либо синие глаза.

В другом стихотворении по описанию внешности можно догадаться, что речь идет о девушке-горянке:

Краса и гордость гор моих родимых
В твоём глубоком и спокойном взгляде,
А волосы...
Душистый **темный** дым их
Неизъяснимо нежен и отраден! [1, с.11].

В поэзии К. Кулиева среди сравнений, относящихся к внешности, часто встречаются сравнения, описывающие глаза. В этом стихотворении по блеску они сравниваются с драгоценными камнями:

Синие глаза, такие **синие**,
Что пред ними меркнет бирюза.
Как на небосвод родимый, ныне я
В **синие** твои смотрю глаза [1, с. 11].

По яркости, выразительности, магической способности завораживать глаза ассоциируются с огнем:

Припаду ли я, как бывало, вновь
К твоим жарким губам губами?
Стану ль пить, как прежде, твою любовь,
Глядя в глаз твоих **черных** пламя? [1, с. 45].

Высока частотность использования К. Кулиевым прилагательного **черный** в сочетании с разными лексическими единицами. В данном случае поэт использовал сочетание прилагательного **черный** с существительным **пламя** для передачи чувств, душевных переживаний.

При рассмотрении системы контраста в поэзии К. Кулиева обнаруживается, что природные явления занимают весьма значительную часть в этой тематической группе. Природа в представлении автора многоцветна, многокрасочна. Она играет и переливается всеми цветами радуги. Цветовая гамма способствует передаче тончайших настроений, придает романтическую одухотворенность, свежесть образам: // *Радуга, опять на небе радуга. / В ней кизила кровь и зелень трав, / Радуга людей умеет радовать. / Горы и моря собой связав. / Семицветная, семиэтажная, / Все осенено твоим огнем. / Перевалы, скалы, поле влажное, / Женщины, что трудятся на нем* // [1, с. 158].

Контрастные цвета передают настроение тревоги. Например, в цветовом образе **красным по белому** есть предчувствие беды.

Многие цветовые образы кулиевской поэзии проходят через все его творчество, становясь яркими символами: **божий меч** (радуга); **мертвый остров**, **голый остров** (старость); **речка детства** (воспоминания); **дождь летний** (радость); **холодный дождь** (печаль, грусть).

Также у К. Кулиева есть натюрморты, в них живет душа природы:

Спилили дерево, оно свалилось,
 Полно печали, горькой, как зола,
 И та речушка, что под ним струилась,
 Впервые горе жизни поняла.

Шептались листья с ней при лунном
 свете
 Иль падали, покрывшись желтизной,
 И освежались, легкие, как дети,
 Прохладою и влагою речной.

Им песни по ночам вода певала,
 Пока заря, пылая, не взойдет,
 А утром просыпается, бывало,
 И смотрит сквозь листву на небосвод.

И мир казался ей тогда зеленым –
 Земля, и небо, и она сама...
 Но ствол упал, упал с тяжелым стоном.
 И речка сходит, бедная, с ума.

Ей кажется, что путь ее бесцелен.
 Всю ночь о мертвых листьях слезы
 льет,
 Проснется на рассвете – где же
 зелень?

Как странен мир, как бледен небосвод!

И чахнет речка, будто от недуга,
 Винит себя и плачет до сих пор:
 Зачем она не защитила друга,
 Не отвратила от него топор? [1, с.
 40].

(Перевод

Н. Гребнева)

Фигура контраста используется в данном случае для описания человеческих чувств, которыми поэт наделяет горную речку.

Рассматривая систему средств, реализующих принцип контраста, нельзя не затронуть антонимы, к которым автор часто обращается. Основная роль принадлежит лексическим антонимам. Антонимические контексты образуются с помощью фигур соединения, разделения, чередования, последовательности противоположностей и т.д. Главной среди них является антитеза:

В мой **легкий** день я буду вспоминать
 Пирь, где я плясал, и песен звуки.
 В мой **трудный** день я буду вспоминать
 Твое лицо и руки [1, с. 23].

У К. Кулиева одна антонимическая пара встречается довольно часто. Две трети антонимических пар составляют общеязыковые антонимы. В общем составе используемых антонимов выделяется большая группа таких, которые служат для контрастного изображения человека с эмоциональной, психологической, нравственной и т.д. стороны.

Рассмотрим эти антонимы как с точки зрения распределения их по лексико-семантическим группам, так и с точки зрения сочетания их друг с другом и с другими языковыми средствами. Одними из самых употребительных антонимов здесь оказываются такие, как: *жизнь – смерть; живой – мертвый; жить – умирать; черный, темный – белый, ясный* и т.д. Антонимы *свой – чужой, друг – враг, наш – вражий* и подобные им позволяют контрастно изобразить социальные или же личные отношения. Передавая эмоциональное состояние человека, К. Кулиев во многих случаях использует антонимы *счастье – горе, радость – горе, грусть – веселье, смеяться – плакать* и др. С их помощью он не только передает динамику состояния героев, смену противоположных эмоций, контрастное мировосприятие героев, но и глубину их переживаний:

И снова иногда я каменею,
 Как вспомню обезлюдевший аул, –
 Как будто **черною** бедой моею
Снег, белый снег там, за окном,
 блеснул!

Я принял все, что принесло мне время,
 И вместе с временем я шел вперед.
 Другим на плечи не взвалил я бремя,
 Я **ночью** знал, что **день** взойдет,
 взойдет!

[1, с. 26].

Подобное изображение внутреннего мира человека характерно, как известно, для поэзии М.Ю. Лермонтова. Если мы обратимся к творчеству А. Блока, А.

Белого, С. Есенина, то увидим, что эти поэты также с помощью антонимов передавали всю сложность, глубину и противоречивость человеческой души. Это позволяет утверждать, что в русской поэзии начала века утвердился определенный психологический тип героя, восходящий к традициям лермонтовской лирики [2, с. 377]. Поэтому, пытаясь определить для себя истоки новационного мышления К. Кулиева на ранних этапах, причины заметной выделенности его стиля в общем потоке балкарской поэзии на протяжении всего творческого пути, мы неизбежно приходим к проблеме взаимодействия Кулиева-автора и традиций русской классической поэзии XIX – начала XX в. Действие феномена ускоренного развития воплотилось в произведениях К. Кулиева прежде всего на уровне эстетической идеологии. Стремление к индивидуальному лирическому переживанию, к употреблению эмоционально насыщенных и неклишированных образов аргументировано в стихах балкарского поэта нормами свободного владения культурными концептами и объектами всего мирового пространства. Объяснить это можно тем, что судьба сама благоприятствовала тому, чтобы К. Кулиев имел свободный и неограниченный доступ к опыту русской классики, оказался полностью погруженным в среду русской культуры: «...Он не испытал "болезней" поэзии 20-х годов... На него воздействовала русская литературная среда, которая к середине 30-х годов в основном освободилась от формалистических и вульгаризаторских издержек 20-х и начала 30-х годов... высокоинтеллектуальная атмосфера, ...школа Станиславского обогатили дарование молодого поэта, дали ему высокую культуру и спасли от провинциализма поэтического мышления... К. Кулиев проходил науку образного мышления» [3, с. 40]. Поэтому для К. Кулиева главное – сам характер, вернее, внутрискруктурное направление лирического переживания.

Часто при описании душевных переживаний и эмоциональных состояний автор использует антонимы, которые наиболее ярко раскрывают противоречивость чувств и взаимоотношений героев в тех случаях, когда используются для выражения темы любви:

То **радую** друг друга, мы с тобой
Живем, а то – безмерно **огорчая**.
Наш **день** восходит, **счастье** предвещая,
А **вечер** – дышит **болью** и враждой.
Любовь не только лунный свет струит –
Она сверкает и лезвием кинжала.
Наш путь порою солнце озаряло,
Порой хлестал колючий град обид.

Любовь – и ветка, что глядит в окно
В цветку весеннем, и раскаты грома.
Но – лунный свет иль молнии изломы –
Любовь любовью будет все равно! [1, с. 76].

Важно отметить, что изображение любви у К. Кулиева не является тягостным, мучительным для человека чувством, она чаще ассоциируется со временами года (весной, иногда осенью), с явлениями природы (теплым летним дождем) и т.д.

Интересны описания человека, где автор использует антонимы, семантика которых направлена непосредственно на обозначение чувств, действий, и т.д., а также и для обозначения человеческих качеств:

Иногда и ты грешишь, природа!
Что за человек? Лицо **красиво**,
Только сердце у него – **урода**:
В нем отравы и оно – крапива.

Я такой ошибки не приемлю, –
Сердце и лицо должны быть схожи:
Небосвод красив – и звезды тоже!
Почему ж ты обижаешь **землю**? [1, с.
55].

В поэзии К. Кулиева выделяется группа антонимов, которые используются для контрастного изображения художественного пространства, а также служат для контрастного обозначения времени:

Твои **цветы**, как пламя очага,...
Твои **штыки**,...
Покрылись кровью теплою, густою.
Ты головы нам **гладило** порой...

Но ты и **било** этой же рукой,...
О Время! Я вкушал твои плоды,
О Время! Выполняя твой завет,...[1, с.
57].

(Перевод Н. Гребнева)

Оригинальность приема контраста в поэтическом стиле Кайсына Кулиева заключается в смене событий, смене чувств и т.д. Смена жизни и смерти, добра и зла, молодости и старости неизбежна и в стихах К. Кулиева. Перемены и смена бытия – цель использования системы средств художественного контраста автором. Движение – есть жизнь, и только она может быть вечной, несмотря на постоянные изменения, происходящие в ней. Нет ничего более постоянного, чем само непостоянство.

Частотное применение антонимов К. Кулиевым является важным фактором в рассмотрении системы контраста. Следует отметить, что антонимы используются автором как главное языковое средство контрастного воплощения своего, особенного, идейно-тематического содержания. Но возможно и сходное использование антонимов с лирикой других поэтов, тематически сходных. Кроме того, антонимы в поэзии К. Кулиева реализуются в сочетании с различными художественными средствами, такими как метафора, сравнение. Возможны также варианты использования культурно-исторических и литературных ассоциаций, например имен собственных, которые способствует обогащению индивидуально-авторской антонимии, служат для различных противопоставлений. Его поэзии также присуще использование литературной и фольклорной символики.

Таким образом, пронизывая стихи К. Кулиева на всех этапах его творчества, антонимы тесно переплетаются с другими элементами системы художественных средств в целом, создавая неповторимость и своеобразие национальной поэзии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кулиев К.Ш. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. Стихотворения. Поэмы. М., 1977. 542 с.
2. Виноградов В.В. Поэтика русской литературы. М., 1976. С. 377.
3. Керимова Р.А. Доминантные компоненты индивидуального стиля поэзии К. Кулиева. LAMBERT Academic Publishing, Саарбрюккен, Германия, 2011.

Поступила в редакцию 27.12.2012 г.
Принята к печати 30.09.2013 г.